

ПУШКИНЪ И КРИВЦОВЪ

По неизданнымъ матеріаламъ.

Въ числѣ лицъ, съ которыми былъ друженъ Пушкинъ въ молодые годы, видное мѣсто занимаетъ Николай Ивановичъ Кривцовъ. Имя его часто встрѣчается въ произведеніяхъ великаго поэта, и потому свѣденія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ заслуживаютъ вниманія, тѣмъ болѣе, что они довольно рѣдко появлялись въ печати. О Кривцовѣ находимъ отрывочныя извѣстія въ воспоминаніяхъ гравера Фр. Вендрамини и запискахъ князя П. А. Вяземскаго, — краткія, но не вполнѣ точныя біографическія свѣденія въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г., по поводу двухъ писемъ Пушкина, и нѣсколько словъ въ замѣткѣ князя П. П. Вяземскаго о Пушкинѣ и Скобелевѣ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 г. Этими источниками исчерпываются печатныя извѣстія о Кривцовѣ. Между тѣмъ существуетъ богатый неизданный матеріалъ для его біографіи: записки, которыя онъ велъ, его переписка и біографическій очеркъ, написанный лично знавшимъ его Б. Н. Чичеринымъ, сосѣдомъ по имѣнію въ тамбовской губерніи. Бумаги эти принадлежатъ извѣстному любителю литературы П. Н. Батюшкову, который женатъ на единственной дочери Н. И. Кривцова, Софіи Николаевнѣ. Быть можетъ, современемъ, онѣ будутъ напечатаны; теперь же П. Н. Батюшковъ, съ свойственною ему любезностью, предоставилъ мнѣ ими воспользоваться и дополнилъ ихъ своими воспоминаніями. Оставляя въ сторонѣ, какъ несоотвѣтствующія моему цѣли, біографическія подробности, касающіяся лично Кривцова, расскажу главные черты его жизни и въ особенности его отношенія къ Пушкину.

Кривцовъ родился въ 1791 г., въ орловской губерніи, болоховскаго уѣзда, въ родовомъ имѣніи Тимошеевскомъ (а не „въ деревнѣ подь Орломъ“, какъ сказано въ „Русскомъ Архивѣ“). У него было три брата: Владиміръ, Сергѣй (декабристъ) и Павелъ, — всѣ моложе его. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, въ духѣ того времени, подь вліяніемъ французскихъ воспитателей, и, по словамъ князя П. А. Вяземскаго (*Старая Записная книжка*, стр. 267), слабое и поверхностное. Родственниковъ Кривцовыхъ, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, — отецъ Ивана Сергѣевича, — отвезъ Кривцова въ Петербургъ и опредѣлилъ юнкеромъ въ полкъ. Нѣсколько позже, другой Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, привезъ въ Петербургъ Пушкина. Произведенный въ офицеры лейбъ-егерскаго полка, Кривцовъ участвовалъ въ войнѣ 1812 года, и подь Бородинымъ раненъ въ руку. Оставшись въ живыхъ одинъ изъ всѣхъ офицеровъ своей роты, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Москву. Вмѣстѣ съ больными французскими офицерами Кривцовъ былъ помѣщенъ въ лазаретъ воспитательнаго дома. „Тамъ узналъ о немъ Коленкуръ, встрѣчавшійся съ нимъ еще во время своего посольства въ Петербургъ. Онъ доложилъ о немъ Наполеону. На предложеніе Коленкура представиться императору, Кривцовъ долго не соглашался, ссылаясь на свою рану; но Коленкуръ даяъ ему понять, что такова рѣшительная воля Наполеона... Наполеону въ Москвѣ нужны были образованные русскіе офицеры: посредствомъ ихъ онъ пытался снова войти въ переговоры съ императоромъ Александромъ, дабы еще разъ обольстить его. Москва горѣла. „Какъ не стыдно русскимъ жечь такой прекрасный городъ!“ — сказалъ Кривцову Наполеонъ. Кривцовъ возразилъ, что „русскіе очень благоразумно жертвуютъ частію для спасенія цѣлаго...“ — „Все это фразы!“ — воскликнулъ Наполеонъ, убѣждаясь, что Кривцовъ не будетъ удачнымъ посланцемъ“. („Русскій Архивъ“ 1864 г., изд. 2, стр. 974). Этотъ же эпизодъ разсказанъ, хотя нѣсколько иначе, въ воспоминаніяхъ Вендрамини о московскомъ пожарѣ 1812 года, напечатанныхъ въ „Economiste Belge“ 1864 г. и переведенныхъ въ „Еженедѣльныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ 1864 г., №№ 28 — 31. По словамъ Вендрамини, Кривцовъ очень боялся, чтобы французы не увели его съ собою. На вопросъ объ этомъ графа Бенкендорфа, занявшаго Москву по выходѣ непріятели, Кривцовъ отвѣчалъ, что оставленъ въ Москвѣ только благодаря заступничеству Вендрамини. По выступленіи французовъ изъ Москвы 11-го октября 1812 года, казаки, занявшіе гауптвахту воспитательнаго дома,

ворвались въ лазаретъ и бросились на остававшихся тамъ больныхъ французовъ. Имъ всёмъ угрожала гибель, еслибы за нихъ не вступился Кривцовъ, которому удалось выгнать казаковъ изъ лазарета („Еженедѣльное Прибавленіе къ Русскому Инвалиду“ 1864 г., № 31, стр. 9). Императоръ Александръ въ послѣдствіи лично благодарилъ Кривцова за этотъ поступокъ, а воцарившейся Людовикъ XVIII прислалъ ему орденъ почетнаго легіона и брилліантовый перстень съ своимъ вензелемъ.

„Послѣднее французское ядро подъ Кульмомъ оторвало Кривцову ногу. Это произошло на глазахъ государей, участвовавшихъ въ битвѣ, и они осыпали его наградами. Императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ ему значительную сумму на излеченіе, для котораго онъ и оставался нѣсколько времени въ Прагѣ. Тамъ ходила за нимъ какая-то знатная дама изъ сестеръ милосердія и познакомила его со многими нѣмецкими и англійскими аристократическими семействами“ („Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 975). Оставивъ военную службу, Кривцовъ провелъ нѣсколько лѣтъ за границу. 16 августа 1814 г. онъ началъ вести по-французски дневникъ, который назвалъ „Le procès verbal de ma vie“, и который, продолжаясь изо дня въ день въ теченіе почти трехъ лѣтъ, прервался 2-го іюля 1817 года. Кривцовъ объѣхалъ Германію, Австрію, Швейцарію, Бельгію, Англію, Францію и Италію, оставаясь въ большихъ городахъ по нѣсколько мѣсяцевъ, вездѣ заводилъ знакомства съ замѣчательными людьми, и, соединяя удовольствіе съ пользой, дополнилъ продолжительнымъ путешествіемъ свое образованіе. Въ Парижѣ онъ близко познакомился съ воспитателемъ императора Александра, Лагарпомъ, и, возвратясь въ Россію, содѣйствовалъ осуществленію его мысли о введеніи у насъ ланкастерской системы взаимнаго обученія. „Въ Лондонѣ сдѣлали Кривцову искусственную ногу, и когда потомъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ, въ 1815 г., имп. Александру показалось, что онъ видитъ его двойника; онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ, встрѣтя его не только ходящимъ, но даже танцующимъ. Второй экземпляръ удивительной ноги Кривцовъ подарилъ парижскому Инвалидному дому“ (тамъ же). Въ 1817 г. Кривцовъ возвратился въ Москву, и въ томъ же году былъ въ Петербургѣ. Въ дневникѣ его находимъ довольно длинный списокъ его знакомыхъ. Въ числѣ московскихъ онъ называетъ: „m-r Sontzoff et sa femme ¹⁾, V. L. Pouchkine, le p-ce Viazemsky, S. L. Pouchkine et sa femme, née Annibal, m-r

¹⁾ Елизавета Львовна, сестра Василя Львовича Пушкина.

Dmitrieff, ex-ministre“; а въ числѣ петербургскихъ: „M-r Karazine et sa femme, m-r Tourguéneff, Michel et Alexis Orloff, S. L. Pouchkine et sa famille, m-r Ouvaroff Serge Sem., le prince Boris Ioussouppoff, le comte Sologoub, M-r Cheping, m-r Joukovsky“. Въ этомъ же кружкѣ вращался тогда и Пушкинъ, вышедшій 9-го іюня 1817 г. изъ лицея. Въ дневникѣ Кривцова 28-го іюня 1817 г. находимъ слѣдующую замѣтку: „Le soir je fus chez les Tourguéneff où il y avait le jeune Pouchkine rempli d'esprit et promettant encore plus qu'il ne fait tenir en ce moment“. Это было, вѣроятно, первое ихъ знакомство. Кривцову исполнилось тогда 26 лѣтъ, а Пушкину 18. Часто встрѣчаясь на вечерахъ у Карамзиныхъ и Тургеневыхъ, молодые люди скоро подружились. Сближенію ихъ содѣйствовали нѣкоторыя общія черты характера: живость, любознательность, литературныя наклонности, любовь къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Притомъ Кривцовъ былъ пріятный собесѣдникъ, много уже видѣвшій, всегда веселый и счастливый, вполне оправдывавшій девизъ своего герба: „*Semper felix*“, а по знанію свѣта и обширному кругу знакомства казался авторитетомъ для Пушкина, только-что выпущеннаго изъ закрытаго учебнаго заведенія.

Въ декабрѣ того же 1817 г. Пушкинъ написалъ Кривцову первое посланіе подъ заглавіемъ: *Къ Анаксагору*. Уже одно это сопоставленіе Кривцова съ знаменитымъ греческимъ философомъ, который провелъ молодость въ продолжительномъ путешествіи съ цѣлью самообразованія, доказываетъ, какъ высоко ставилъ Пушкинъ своего новаго пріятеля. Въ собраніяхъ сочиненій Пушкина посланіе это озаглавлено: *Н. И. Кривцову*, и отнесено къ 1819 г., но въ автографѣ, хранящемся у П. Н. Батюшкова, помѣчено 1817 г. Оно напечатано съ поправками въ 7, 8, 10 и 14-мъ стихахъ, сдѣланными, вѣроятно, самимъ Пушкинымъ при изданіи его стихотвореній въ 1826 г. Вотъ по автографу, полученному Кривцовымъ, первоначальная редакція посланія

КЪ АНАКСАГОРУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ.
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой:
Лучше вдругъ зарю мы нашу
Смѣнимъ ночью гробовой;
Каждый у своей гробницы

Мы приляжемъ на порогъ,
 У паескія царицы
 Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
 Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
 Лишній осушимъ сосудъ —
 И толпою наши тѣни
 Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
 Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель,
 И подруги шалуновъ
 Соберутъ ихъ легкій пепельъ
 Въ урны праздна пировъ.

1817,
 дек.

Въ изданіи сочиненій Пушкина 1855 г. (т. 11, стр. 264) Анненковъ сопровождаетъ это стихотвореніе слѣдующимъ, не вполне понятнымъ примѣчаніемъ: „Посланіе особенно замѣчательное тѣмъ, что одна случайная замѣтка товарища (?) подала поводъ къ такому поэтическому возраженію со стороны Пушкина.“ Въ февралѣ слѣдующаго 1818 г. Пушкинъ опасно заболѣлъ горячкою. Въ это же время, т.-е. въ началѣ 1818 г., Кривцовъ былъ опредѣленъ въ русское посольство въ Лондонъ. Выздоровливавшій Пушкинъ подарилъ ему на дорогу маленькое изящное изданіе *La Pucelle*, Вольтера, при посланіи, которое постоянно печаталось съ пропусками или искаженіями, неустраненными даже во всѣхъ безъ исключенія послѣднихъ изданіяхъ. Возстановляемъ его по рукописи, полученной Кривцовымъ:

ДРУГУ ОТЪ ДРУГА.

Когда сожмешь ты снова руку,
 Которая тебѣ дарить
 На скучный путь и на разлуку
 Святую библію Харить?
 Амуръ нашель ее въ Цитерѣ
 Въ архивѣ шалости молодой.
 По ней молись своей Венерѣ
 Благочестивою душой.
 Прости, эпикуреецъ мой!
 Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
 Лети во мрачный Альбіонъ!
 Да сохранять тебя въ чужбинѣ
 Христось и вѣрный Купидонъ!
 Неси въ чужой предѣлъ нената,
 Но, помня прежни дни свои,
 Люби недѣвственнаго брата
 Страдальца чувственной любви...

1818,
 марта 2.

Автографъ посланія, бережно сохраненный Кривцовымъ и переплетенный вмѣстѣ съ упомянутою книжкою, подаренъ въ этомъ году П. Н. Батюшковымъ Публичной Библіотекѣ, и хранится въ одной изъ витринъ отдѣленія рукописей. Вотъ подробное заглавіе книжки: *La Pucelle, poëme en vingt-un chants, avec les notes, par Voltaire. Edition stéréotype, d'après le procédé de Firmin Didot. A Paris, de l'imprimerie et de la fonderie stéréotypes de Pierre Didot l'aîné, et de Firmin Didot. An X (1801).* Въ 32 долю листа.

Къ тому же періоду выздоровленія Пушкина относятся его стихотворенія: *Выздоровленіе* и посланіе *В. В. Эмелгардту*, имѣющія, по тону и содержанію, нѣкоторыя общія черты съ обоими посланіями къ Кривцову.

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ Кривцовымъ за границею, а Пушкинымъ въ ссылкѣ, сначала въ Кишиневѣ и Одессѣ, а потомъ въ Михайловскомъ, отдалили ихъ другъ отъ друга; но они вели переписку, изъ которой сохранились только три письма Пушкина, напечатанные въ собраніи его писемъ. Въ письмѣ изъ Одессы отъ 20-го декабря 1823 г. Пушкинъ спрашиваетъ князя Вяземскаго: „Что Кривцовъ? Его превосходительство могъ бы мнѣ аукнуть“. (*Сочиненія А. С. Пушкина*, изданіе Литерат. Фонда, т. VII, стр. 63). Въ томъ же декабрѣ Пушкинъ посылаетъ ему изъ Одессы слѣдующее письмо, хранящееся у П. Н. Батюшкова:

„Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай, что онъ впервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ, почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда ли, что ты сталъ аристократомъ? Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года. Всѣ мы разбрелись. Всѣ мы перемѣнились. О, дружба, дружба!“ (Тамъ же, стр. 66).

Пушкинъ вспоминаетъ о Кривцовѣ и въ Михайловскомъ: „Помнишь ли ты, житель свободной Англїи,—пишетъ ему Пушкинъ въ концѣ 1824 года,—что есть на свѣтѣ псковская губернія, откуда пишетъ тебѣ твой лѣнивонецъ, котораго ты вѣрно помнишь и любишь, который о тебѣ каждый день груститъ, на котораго ты можешь и долженъ бы сердиться, но не знаю, сердись ли?.. Я не люблю писать: языкъ и голосъ едва достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глупѣе,—такъ глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ бы то ни было, я виноватъ, зная, что мое

письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Карамзина, и не исполнивъ дружескаго долга“. (Тамъ же, стр. 102).

Въ Лондонѣ Кривцовъ не поладилъ съ нашимъ посломъ, княземъ Ливеномъ, и долженъ былъ выйти въ отставку. Переселившись въ Парижъ, онъ прожилъ тамъ около двухъ лѣтъ и, вращаясь въ большомъ свѣтѣ, познакомился съ Вильмэномъ, Гизо, гр. Каподистриа, Андриѣ и многими другими замѣчательными людьми. Изъ нихъ Кривцовъ наиболѣе сблизился съ извѣстнымъ епископомъ Грегуаромъ, провозгласившимъ въ 1792 г. низверженіе королевской власти („l'histoire des rois est le martyrologe des nations“), и однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ низложеніи Людовика XVI. Въ книгахъ Кривцова сохранился экземпляръ посланнаго ему въ Россію сочиненія: *Manuel de piété, à l'usage des hommes de couleur et des noirs, par M. Grégoire, ancien évêque de Blois* (1822 г.), съ надписью автора: „Au savant et aimable m-r Kriwzof, souvenir d'estime et d'affection de la part de l'auteur qui désire savoir si cet envoi est parvenu à son adresse“. Дружескія сношенія съ республиканцемъ-епископомъ составили Кривцову въ Россіи репутацію „якобинца“. По возвращеніи въ Россію, Кривцовъ женился на Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Вадковской, внучкѣ графа И. Г. Чернышева, бывшаго морского министра, одного изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ царствованія Екатерины, и сталъ хлопотать о губернаторскомъ мѣстѣ. Князь В. П. Кочубей, бывший тогда министръ внутреннихъ дѣлъ, предложилъ ему должность таврическаго губернатора, но Кривцовъ отказался. По настоятельному ходатайству Карамзина предъ императоромъ Александромъ, который зналъ Кривцова, какъ героя отечественной войны, и еще болѣе какъ человѣка, заслужившаго расположеніе Лагарпа, Кривцовъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тулу, откуда переведенъ въ Воронежъ. Князь П. А. Вяземскій въ своей „*Старой Записной Книжкѣ*“ даетъ въ нѣсколькихъ чертахъ вѣрную характеристику Кривцова и нѣкоторыя подробности его тогдашней жизни:

„Туда перевезъ онъ и свою англійскую обстановку. Тулякамъ это не нравилось. Они, то-есть привычки и желудки ихъ, не могли переваривать поздніе обѣды его, и у себя дома, и въ частныхъ домахъ, гдѣ давались обѣды въ честь его. Туляки мало обращали вниманія на то, что онъ былъ дѣятеленъ, правосуденъ, само собою разумѣется, и безкорыстенъ: къ небрежности въ дѣлахъ они приглядѣлись; къ взяткамъ они, по прежнимъ порядкамъ, успѣли попривыкнуть. Все это дѣло житейское и обыкно-

венное; но объѣдать въ шестомъ часу, но смотрѣть, какъ г. губернаторъ въ концѣ объѣда прохлаждается изюмомъ, орѣхами и медленно запиваетъ ихъ рюмкою портъ-вейна, вотъ уже чего никакъ не могла спокойно вынести ихъ домашняя и гражданская натура. Послѣ Тулы перешелъ онъ въ Воронежъ, изъ Воронежа поступилъ онъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. Внѣшняя англоманія его, а можетъ быть и нѣкоторая внутренняя неуступчивость и особливость въ нравѣ, попробуемъ сказать — *особнячество* (жить особнякомъ) въ провинціальной средѣ, вездѣ вредили ему. Пошли служебныя пререканія, жалобы, доносы. Наконецъ, долженъ онъ былъ сойти съ губернаторскаго поприща. Жаль, что гражданская дѣятельность его не долѣ продолжалась. Онъ могъ сначала, по неопытности, по малому знакомству съ административными русскими порядками, иногда ошибаться и дѣлать легкіе промахи; но въ немъ были всѣ залого хорошаго хозяина губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ вышелъ бы изъ него образцовый губернаторъ. Онъ часто говаривалъ: „когда сужу себя, бываю собою недоволенъ; когда себя сравниваю со многими другими, я примиряюсь съ собою...“ Между привычками, вывезенными имъ изъ Англии, была и та, что за завтракомъ его стояла на столѣ хрустальная чаша съ вареньемъ. Когда онъ до нея дотрогивался, Голицынъ ¹⁾ говорилъ ему: „Сдѣлай милость, не принуждай себя, не неволь себя; я и такъ буду всѣхъ увѣрять, что видѣлъ собственными глазами, какъ ты ѣшь варенье послѣ утренняго чая“. („Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, т. VIII, стр. 265).

По свѣденіямъ, сообщеннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“, губернаторство Кривцова кончилось тѣмъ, что въ Воронежѣ онъ разорвалъ подписанный имъ журналъ присутствія, узнавъ, что чиновники перемѣнили при перепискѣ утвержденное имъ въ черновомъ журналѣ рѣшеніе. „Члены присутствія тутъ же составили донесеніе въ сенатъ, что губернаторъ ихъ помѣшался“ („Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 976). Кривцовъ поѣхалъ въ Петербургъ, былъ оправданъ и переведенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. Вскорѣ скончался императоръ Александръ Павловичъ. Лишившись въ немъ покровителя въ неравной борьбѣ съ генералъ-губернаторомъ Балашовымъ и опасаясь новыхъ, усиленныхъ съ его стороны преслѣдованій, Кривцовъ вышелъ въ отставку. По словамъ князя П. А. Вяземскаго, „послѣ своихъ губернаторскихъ неудачъ, Кривцовъ поселился въ тамбовской деревнѣ Любичи.

¹⁾ Князь Владиміръ, извѣстный въ то время острякъ.

Рѣдко выѣзжалъ онъ изъ нея въ Москву на нѣсколько недѣль; еще рѣже являлся въ Петербургъ, и то на время, еще короче. Разумѣется, построилъ онъ въ деревнѣ каменную готическую англійскую башню. Но вмѣстѣ съ тѣмъ построилъ и большой деревянный домъ, красивый, хорошо расположенный и со всѣми возможными удобствами, какъ для себя и для своихъ, такъ и для гостей, навѣщавшихъ его. Изъ сосѣдей своихъ преимущественно сблизился онъ съ семействомъ князя Григорія Сергѣевича Голицына (котораго помѣщичья жизнь и домашняя обстановка ожидаютъ живописца для вѣрной и достойной обрисовки всей ея своеобразности), съ Баратынскими, съ Чичериными. Отъ другихъ сосѣдей онъ уклонялся... Не знаю, былъ ли онъ способенъ къ дружбѣ въ полномъ значеніи этого слова, то-есть съ ея откровенностью, горячностью, самопожертвованіями; но онъ питалъ въ себѣ чувства искренней пріязни и уваженія къ нѣкоторымъ исключительнымъ лицамъ и остался имъ вѣренъ до конца. Онъ не былъ записанъ въ арзамасскомъ штатѣ, но былъ пріятелемъ почти всѣхъ арзамасцевъ... Деревенская жизнь, съ своимъ спокойствіемъ, съ независимостью своею, годъ отъ году все болѣе привязывала его къ себѣ“. („Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, т. VIII, стр. 266). Въ деревнѣ получались изъ столицъ всѣ новости дня. Пушкинъ, по словамъ Б. Н. Чичерина, присылалъ Кривцову въ рукописи свои неизданныя стихотворенія.

Къ этому времени деревенской жизни Кривцова относится письмо къ нему Пушкина изъ Москвы отъ 10 февраля 1831 г. Въ началѣ января того же года вышелъ въ свѣтъ *Борисъ Годуновъ*. „Это любимое произведеніе поэта,—по словамъ Анненкова, — составляло, такъ сказать, часть его самого, зерно, изъ котораго выросли почти всѣ его историческія и большая часть литературныхъ убѣжденій“ (*Матеріалы*, изд. 2, стр. 125). Пушкинъ послалъ эту книгу Кривцову при слѣдующемъ письмѣ, исполненнымъ грусти и глубокаго раздумья:

„Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе. Ты нѣкогда баловалъ первые мои опыты, будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Чтò ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Нынѣшнею осенью былъ я недалеко отъ тебя ¹⁾. Мнѣ брюхомъ захотѣлось съ тобою увидѣться и поболтать о старинѣ.

¹⁾ Въ селѣ Болдинѣ, лукояновскаго уѣзда нижегородской губерніи, гдѣ Пушкинъ пробылъ съ начала сентября до конца ноября 1830 года.

Карантины мнѣ помѣшали ¹⁾. Такимъ образомъ, Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба средеть насъ опять. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги, а я женатъ, или почти ²⁾. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю какъ люди, и вѣроятно не буду въ томъ раскаяваться. Къ тому же, я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью ³⁾. У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски. Тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ, въ д. Хитровой. На дняхъ получилъ я чрезъ Вяземскаго твое письмо, писанное въ 1824 г. Благодарю, но не отвѣчаю“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*, изданіе Литер. Фонда, т. VII, стр. 260).

Это письмо, подлинникъ котораго также хранится у П. Н. Батюшкова, остается послѣднимъ памятникомъ отношеній Пушкина и Кривцова. Они встрѣчались потомъ въ Петербургѣ, куда, по словамъ князя П. П. Вяземскаго („Историческій Вѣстникъ“ 1880 г., № 6, замѣтка: *Пушкинъ и Скобелевичъ*), Кривцовъ пріѣзжалъ около 1834 г. для исходатайствованія продолженія пожалованной ему императоромъ Александромъ аренды. Кривцовъ поселился на Гагаринской набережной, въ домѣ Баташева (третій отъ Прачешнаго моста, теперь № 32), въ нижнемъ этажѣ. Въ томъ же домѣ второй этажъ занималъ князь П. А. Вяземскій, а третій—Пушкинъ; а когда кн. Вяземскій, по случаю болѣзни дочери, уѣхалъ съ семействомъ за границу, то въ августѣ 1834 года квартиру его занялъ Пушкинъ, и жилъ въ ней два года, до переѣзда осенью 1836 г. въ домъ княгини Волконской, въ

¹⁾ Пушкинъ былъ остановленъ въ послѣднихъ числахъ ноября, по случаю холеры, въ карантинѣ Платова, и лишь 5-го декабря пріѣхалъ въ Москву (письма его къ Н. Н. Гончаровой въ концѣ ноября и 2-го декабря, и къ Плетневу 9-го декабря 1830 г.).

²⁾ Свадьба была въ Москвѣ 18-го февраля 1831 года.

³⁾ Мрачное настроеніе Пушкина въ этотъ періодъ жизни выразилось и въ *Элегии* 8-го сентября 1830 г.:

Мой путь уныль. Сулить мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

которомъ скончался. Въ августѣ же 1834 г. Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга, и въ письмѣ изъ Москвы къ К. Я. Булгакову отъ 31-го августа (2-е и 3-е издание Суворина, т. 8, стр. 553) упоминаетъ о „другѣ братѣ безногомъ воинѣ“, который о немъ „болѣе печется, нежели о себѣ“. Въ позднѣйшихъ письмахъ и произведеніяхъ Пушкина имя Кривцова болѣе не встрѣчается.

Послѣдніе годы жизни Кривцовъ провелъ безвыѣздно въ своемъ тамбовскомъ имѣніи Любичи, занимаясь хозяйствомъ, разными проектами и вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ бумагахъ его остался проектъ освобожденія посредствомъ выкупа, сходный въ существенныхъ чертахъ съ главными основаніями положенія 19-го февраля 1861 г., и проектъ направленія желѣзной дороги изъ Москвы черезъ Тамбовъ въ Саратовъ, которая впоследствии проведена по указаннымъ пунктамъ.

Въ 1842 г. Кривцовъ началъ чувствовать боль въ оторванной ногѣ, такъ что не могъ надѣвать пробочной ноги, и долженъ былъ ходить на костыляхъ. Лѣтомъ 1843 г. онъ внезапно заболѣлъ, и 31-го іюля скончался. Кривцовъ погребенъ въ своемъ имѣніи, въ построенной имъ среди чистаго поля часовнѣ. На его могильной плитѣ вырѣзана найденная въ его бумагахъ надгробная надпись: *Nec timeo, nec spero*. Черезъ годъ пріѣхалъ въ Любичи изъ Рима любимый братъ его, Павелъ Ивановичъ, со-вѣтникъ посольства въ Римѣ, занимавшій тамъ должность попечителя русскихъ художниковъ, и скоропостижно умеръ въ той же комнатѣ. Вдова Н. И. Кривцова, Екатерина Федоровна, скончалась въ Петербургѣ въ 1861 г. и похоронена возлѣ мужа въ той же уединенной часовнѣ.

В. Гаевскій.

